

шие строения, которые представляют собой, вероятно, часть Пропилеев, а храм Ники, кажется, принимали за музыкальную школу Пифагора. На запад от Акрополя показывали школу циников, подле которой непонятным образом очутилась также школа трагиков¹. Развалины у Калдиросэ оказывались остатками сцены Аристофана²

Кириак был, вероятно, самый образованный, или, по крайней мере, самый любознательный из представителей Запада, посетивших Афины во время франкского владычества; он являлся представителем итальянской образованности в эпоху Возрождения, он был любимцем того папы Евгения IV, который ставил себе в заслугу воссоединение церквей греческой и римской; кроме того, он был в дружественных отношениях со многими выдающимися эллинами, равно как с могущественнейшими государями и со всей умственной аристократией Италии³. Поэтому он, несомненно, завязал и в Афинах знакомство с образованными греками, интересовавшимися научными вопросами. Мы, правда, не знаем имен таких греков; неизвестно также, был ли в это время кто-нибудь из Халкокондилов в Афинах. Неустанное рвение, с каким этот иностранец измерял и срисовывал памятники и списывал с них надписи, должно было произвести на афинян значительное впечатление. Сомнительно, чтобы до Кириака какой-либо грек вздумал заниматься составлением коллекции афинских надписей. Такая идея могла возникнуть скорее в Риме, как вследствие живейшего интереса, какой имела Западная Европа к резиденции императора и пап, так и потому, что политическое сознание римских граждан воспитывалось именно свидетелями древности.

Уже к эпохе Карла Великого относится собрание надписей Эйнзидельнского анонима. Ранее середины XIV века собрана была коллекция трибуна римского Кола ди Риенцо, а еще ранее

¹ Вен. анон. За. Там же дидакасион Софокла 3б.

² Парижский анон. стр. 742.

³ С извинительным тщеславием он перечисляет все связи этого рода в письме к Евгению (*Itinerarium* ed. Mehus) и приводит их похвалы в письмах и стихотворениях.